

Утренний выпускъ.

Объявленія за строку петита или
заним. ею мѣсто въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
за границей 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (уг.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. —
21733 и 21334, ночн. редакц. — 21225.
Главная контора и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рекламнаго отдѣла 21225.

СЕГООДНЯ

№ 76.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

10-й г. изд.

Понедѣльникъ,

19 марта 1928 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сент. 6 р.
въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 80 грш., за утр. 40 грш. за воскр.
45 грш. Подп. пл. на „Сегодня“ въ мѣ-
сяць (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с.
(175 р.), загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл.
Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи
5 Л. 75 с., загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 амерн. долл.

Мейерхольдовское кощунство надъ „Горемъ отъ ума“.

Н. Осинскій въ «Правдѣ» отчитываетъ Мейерхольда за его новую постановку безсмертной комедіи Грибоѣдова, нагло переименованной совѣтскимъ новаторомъ въ «Горе уму». Сравнивая Мейерхольда съ берлинскимъ режиссеромъ Пискакторомъ, Осинскій начинаетъ съ указанія, что Пискакторъ «для своихъ прогулокъ» не забирается въ сокровищницу родной литературы, хотя, правда, критикъ «Правды» при этомъ не озабоченъ пизетомъ къ классикамъ, а ставитъ на видъ Мейерхольду «современность» Пискактора, противопологая ей устремленіе Мейерхольда въ минувшее.

Изъ статьи Осинскаго узнаемъ о нѣкоторыхъ деталяхъ «постановочки». Комедія разбита на семнадцать эпизодовъ, изъ которыхъ каждый происходитъ въ какой-либо изъ безчисленныхъ (по Мейерхольду) комнатъ фамусовскаго дома — аванзалѣ, портретной, диванной, бильярдной, вестибюле, тирѣ (!), столовой и т. д. Грибоѣдовскіе діалоги и монологи «рапортуются» актерами одновременно съ выполненіемъ занятій, на каждую комнату положенныхъ: Фамусовъ разговариваетъ со Скалозубомъ, играя на бильярдѣ. Чацкій объясняется Софьѣ въ любви, стрѣляя въ цѣль, съ Фамусовымъ онъ бесѣдуетъ, играя на роялѣ и т. д.

Неизбѣжный результатъ таковъ, что зрители больше интересуются тѣмъ, какъ Фамусовъ со Скалозубомъ бѣгаютъ вокругъ пристегнутаго Мейерхольдомъ къ Грибоѣдову бильярда, куда попадаетъ или не попадаетъ при стрѣльбѣ Софья и т. п. Не только смыслъ, но и самый звукъ словъ въ рядѣ сценъ до зрителей не доходить. Часть зрителей этимъ возмущена: но для режис-

сера «текстъ», видимо, имѣетъ второстепенное значеніе, важнѣе показать семнадцать (или около того) комнатъ и «объиграть», какъ нынче выражаются, помещающуюся въ нихъ обстановку.

Онъ не замѣчаетъ при этомъ, что цѣлый рядъ сценъ оказывается совершенно мертвыми, отъ нихъ вѣетъ непреодолимой археологической скукой, нѣкоторые зрители сбѣгаютъ уже въ серединѣ спектакля.»

Есть и вставныя сцены, напр., Чацкій со своими (изобрѣтенными Мейерхольдомъ) приятелями занимается чтеніемъ революціонныхъ стиховъ (Рылѣева, Пушкина и т. д.). Самъ Чацкій успѣшно дискредитировалъ Мейерхольдомъ: онъ представленъ «какимъ-то наклоннымъ къ подозрительнымъ удивленіямъ недорослемъ», съ унылымъ видомъ отпускающимъ кислыя слова (въ нихъ превращены и самыя ядовитыя реплики Чацкаго) и, чуть плохо дѣло, припадающимъ къ роялю. Не Чацкій, а какой-то неврастенической pianisti, который въ подметки не годится пріятному и здоровому Молчалину.»

Играютъ эту гнусную мейерхольдовскую дребедень, какъ увѣряетъ Осинскій, «по преимуществу скверно». Одни плохи, другіе блѣдны, третьи ниже всякой критики.

Интересенъ «постъ-скринтумъ» критика: «Не только женамъ отвѣстныхъ работниковъ (явный намекъ на Розенель и Луначарскаго), но и женамъ театральныхъ директоровъ можно рекомендовать большую воздержность по части туалетовъ, смѣнять которые при каждомъ новомъ выходѣ ни въ «Ревизорѣ», ни въ «Горѣ отъ ума» никакой необходимости нѣтъ.»